ТЕМА 7. БИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СТРУКТУРЫ АБСОЛЮТА (СЛОВА)

7.1. Общая характеристика сходств и различий генетического кода и естественного языка.

7.2. Структурный изоморфизм генетического кода и естественного языка.

7.3. Структурный изоморфизм человека и его имени.

7.4. Имя в концепции А.Ф. Лосева.

7.1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ ГЕНЕТИЧЕСКОГО КОДА И ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

В 50-е годы XX столетия в молекулярной биологии было сделано открытие, которое пролило свет на механизм наследственности. Обнаружилось, что наследственность соответствует сообщению, которое записано вдоль хромосом (элементов клеточного ядра) с помощью определенного химического алфавита. В качестве исходных элементов генетического кода используются два типа нуклеиновых кислот — ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) и РНК (рибонуклеиновая кислота), каждая из которых включает в свой состав четыре азотистых основания, нуклеотиды. В ДНК это аденин (А), гуанин (Г), тимин (Т), цитозин (Ц), в РНК вместо тимина используется урацил (У). Отдельные комбинации четырех исходных нуклеотидов по три элемента — триплеты — составляют генетический код.

В 1954 г. Гамов сформулировал проблему генетического кода в ее современном виде. В 1957 г. Крик предположил, что аминокислоты взаимодействуют с нуклеиновой кислотой не непосредственно. а через посредников, известных теперь под названием транспортной РНК. В ближайшие после этого годы все принципиальные звенья общей схемы передачи генетической информации были подтверждены экспериментально. Реализация наследственной информации ДНК в процессе жизнедеятельности клетки осуществляется через три типа РНК: информационную (и) РНК (или матричную (м) РНК), рибосомную (р) РНК и транспортную (т) РНК. На молекуле ДНК осуществляется построение трех типов РНК, участвующих в синтезе белка. При этом информацию гена, кодирующего белковую молекулу, несет только (и) РНК. Взаимодействие кодонов (и) РНК с антикодонами (т) РНК на рибосомах осуществляется по принципу комплементарности. Рибосомная РНК и (т) РНК выступают в качестве обслуживающего аппарата белкосинтезирующей системы клетки. Информационная РНК — посредник между ДНК и белками и является матрицей для их синтеза. В форму (и) РНК переводится большая часть информации, которая содержится в ДНК.

* * *

«В ядре каждой соматической клетки человека содержится 23 пары хромосом. На каждую из них приходится по одной молекуле ДНК. Длина всех 46 молекул в одной клетке тела человека равна почти 2 м, а если учесть, что тело взрослого человека составлено

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

примерно из $5 \cdot 10^{13}$ клеток, то общая длина молекул ДНК в организме достигнет $1 \cdot 10^{1}$ м, или $1 \cdot 10^{11}$ км, что в тысячи раз превышает расстояние от Земли до Солнца.

Но вернемся к одной клетке. Во всех молекулах ДНК одиночной клетки человека содержится 3,2 млрд пар нуклеотидов. Каждый нуклеотид состоит из пятиуглеродного сахара, фосфатной группы и азотистого основания. Сахара и фосфаты одинаковы во всех нуклеотидах, а смысл нуклеотидам придают основания, которых в ДНК четыре типа. Таким образом, язык генетических записей четырехбуквенный, и если одно основание представляет собой одну букву наследственной записи, то отдельными словами можно назвать генетическую информацию о порядке аминокислот в кодируемых генами белках. Кроме кодировки состава белков в геноме записаны, конечно, другие разнообразные сведения. Можно сказать, что Природа (либо в результате эволюции, либо в согласии с Божьим промыслом) закодировала в ДНК инструкции о том, как клеткам выживать, как реагировать на внешние воздействия, как должно происходить развитие тела, как стареет организм, предотвращает поломки различных частей клеток и множество других сведений. Любая поломка генных инструкций ведет к мутациям, и если они случаются в генеративных клетках – сперматозоидах или яйцеклетках, то мутации передаются следующим поколениям. Это может поставить в рискованное положение само существование данного вида…

За словами о 3 млрд пар оснований зримо не видно, что же это такое. Гигантский объем информации, содержащийся в геноме человека, лучше всего иллюстрирует следующий пример: если напечатать мельчайшим шрифтом телефонные книги, то чтобы внести в них все знаки из ДНК одной-единственной клетки, понадобится отпечатать тысячу тысячестраничных телефонных книг!

Сколько же всего генов, то есть последовательностей, кодирующих белки, имеется в составе человеческой ДНК? Года три назад называли цифру 100 тыс., затем 80 тыс. В конце 1998 года специалисты по биоинформатике начали склоняться к мысли, что на самом деле нужны более осторожные оценки и что в геноме человека может оказаться 50-60 тыс. генов. Важно подчеркнуть, что на их долю приходится только 3 % общей длины ДНК человека. Функциональная роль остальных 97 % остается пока непонятной» (23, 187).

* * *

Последовательность, составленная из четырех типов нуклеотидов, может определять последовательность около двадцати аминокислот, из которых строится пептидная (состоящая из остатков аминокислот) цепь. Переход от записи какого-либо сообщения с помощью четырехбуквенного алфавита к записи того же сообщения с помощью двадцатибуквенного алфавита в биологии называют проблемой кода. Очевидно, что при таком переходе одно основание (например, А, или Г, или Ц, или Т) не может однозначно определять более одной аминокислоты, а этого явно недостаточно для перекодировки. Недостаточно и парных комбинаций типа АА, АГ, АЦ, АТ и др. для кодирования двадцати аминокислот. Однако если попытаться поставить в соответствие каждому виду аминокислот три основания — триплет, то получим более чем достаточное число комбинаций, так что некоторые могут оказаться даже лишними. Биологи полагают, что каждое «слово» в последовательности оснований ДНК, обозначающее какую-либо аминокислоту, состоит по крайней мере из трех букв (26, 357). Четыре нуклеотида в комбинациях по три дают 64 триплета — генетический словарь, из которых 61 соответствует 20 основным аминокислотам, а три представляют собой «знаки препинания», они не соответствуют никакой реальной аминокислоте и являются своего рода сигнализаторами обрыва цепи. Например, триплет УУУ кодирует фенила-

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ланин, а триплеты ГЦУ, ГЦЦ, ГЦА, ГЦГ представляют собой разновидность аланина. Комбинируясь друг с другом в бесконечных линейных последовательностях нуклеиновых кислот, триплеты создают как бы химический текст генетической информации. Подобно тому, как фраза, являясь сегментом языкового текста, составляется с помощью линейной последовательности небольшого числа исходных дискретных единиц — букв или звуков, так отдельный ген соответствует определенному сегменту в длинной цепи нуклеиновых кислот, составленному из комбинаций различных триплетов, складывающихся в свою очередь из различных комбинаций четырех исходных нуклеотидов. Бесконечное многообразие всего живого сводится в конечном итоге к длиннейшим генетическим сообщениям, записанным по особым правилам линейной комбинаторики элементов генетического кода, который обладает разительным структурным сходством с кодом языковым. Все это дало основание биологам и лингвистам проводить глубокие аналогии между естественными языками и генетическим языком.

* * *

«Языки можно разделить на *естественные*, возникающие самопроизвольным путем, и искусственные, *формальные*, разработанные для технических и научных потребностей… Грамматики естественных языков долгое время не были сформулированы вообще, а потому отличаются меньшей строгостью правил и наличием большого числа исключений из них. Формальные языки с самого начала формулируются в виде перечня строгих правил.

Естественные человеческие языки реализуются в письменной и звуковой форме (т. е. содержат *синтаксическую и фонологическую* компоненты…), которые эквивалентны в своей существенной части, но имеют различия в деталях. В обеих формах языковые тексты строятся по принципу *линейного* соединения элементов, причем временная последовательность звуков устного текста *колинеарна* пространственной линейной последовательности знаков письменного текста. Такое соответствие присуще только развитым языкам, прошедшим длительный путь эволюции письменной формы…

Развитые естественные человеческие языки в письменной форме имеют несколько уровней построения значащих конструкций: морфема, слово, предложение, абзац и т. д. Каждый уровень имеет свой набор элементов и знаков пунктуации и свою грамматику. Набором элементов для каждого следующего уровня служит множество значащих конструкций (сообщений) предыдущего уровня. Поэтому структура естественных языков иерархична и построена по принципу включения. Множества элементов нижних уровней конечны (алфавит, морфы), верхних – не более чем счетны. С повышением уровня естественных языков падает кодирующая роль упорядоченности элементов.

…Перечислив внешние особенности естественных языков, видим, что имеется достаточно глубокая аналогия с описанным ранее генетическим языком. Генетический язык тоже линеен, существует в двух изоморфных формах, имеет многоуровневую иерархическую природу, независимую грамматику и пунктуацию на каждом уровне и т. д. Наиболее близким аналогом *морфа* в НК-форме генетического языка, по-видимому, служит *позиция основания в кодоне*, аналогом *словоформы – кодон*, аналогом *предложения – цистрон*,[*] но соответствие не надо понимать буквально. Словарный запас генетического языка крайне скуден (61 триплет), но зато чрезвычайно длинны и структурно богаты предложения. Слова не имеют разделительных знаков, но зато все триплетны…

[*] Цистрон – участок нуклеиновой кислоты, кодирующий структуру одного полипептида, что синонимично понятию «ген»; величина цистрона в среднем равна 1200 нуклеотидам и чаще всего колеблется между 400 и 4000 нуклеотидами

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Поскольку генетический язык отвечает явлению, которое имеет природное происхождение, его следует отнести к *естественным* языкам. В то же время, с точки зрения предназначенности, и в отличие от человеческих естественных языков, генетический язык на всех уровнях является *языком приказов*, аналогичным лишь повелительной форме глагольных групп в предложении или *форм побудительного наклонения* предложений. Эта особенность резко упрощает грамматику генетического языка, исключая из текстов субъекта действия (подлежащее, роль которого играет сам материальный носитель, исполняющий системы) и оставляя только указание собственно операции (действия), объекта действия и обстоятельства действия.

Подобно естественным человеческим языкам генетический язык несомненно эволюционировал, но не все его особенности являются продуктом эволюции. Можно считать, что правила *кодирования* биохимических и опознавательных функций в сообщениях полипептидной формы генетического языка *не подвержены эволюции*, а сводимы к чисто физико-химическим особенностям соответствующих структур. Не эволюционировали также правила комплементарных соответствий между полинуклеотидами. *Основным объектом эволюции было соотношение между* ПП- и НК-формами генетического языка, в частности генетический код. Могли эволюционировать также наборы элементов каждого уровня каждой формы языка, алфавиты, наборы знаков пунктуации.

Как будет показано в дальнейшем…, генетический язык характеризуется некоторыми *детерминированными особенностями*, дающими явное преимущество их носителям в процессе отбора, и в то же время содержит ряд *случайных свойств*, закрепленных вследствие стохастичности процесса эволюции… *Проблема эволюции генетического языка* – одна из основных проблем, требующих решения.

В целом построение и анализ грамматики разных уровней генетического языка находятся в зачаточном состоянии. Однако уже сейчас видна необходимость сформулировать и обсудить две проблемы: 1) *построение порождающих грамматик* разных уровней генетического языка… Имеется в виду формулирование конечного набора правил, позволяющего строить грамматически правильные значащие конструкции различных уровней генетического языка; 2) *построение трансформационных грамматик* для разных уровней генетического языка… под этим понимается построение набора правил синонимических преобразований значащих конструкций. Как будет показано в дальнейшем, роль синонимии в генетическом языке чрезвычайно велика…

Тексты естественных человеческих языков порождаются, воспринимаются и исполняются на основе явного или неявного знания правил языка и набора первичных элементов. Для текстов генетического языка по существу *нет порождающего устройства*… Возникновение текстов происходит путем случайного изменения уже имеющихся текстов и, в меньшей мере, путем случайного перекомбинирования имеющихся текстов с сохранением их полноты» (21, 48 – 51.)

* * *

Лингвисты отмечают «бедность» генетического «алфавита». Т. В. Гамкрелидзе подчеркивает, что характерной чертой лингвистического кода, лежащего в основе естественных языков, которая отличает его от кода генетического, является значительно большее, чем четыре, число исходных единиц — фонем, комбинации которых и составляют значимые элементы звукового языка — морфемы, слова, предложения (3, 6). Однако, на наш взгляд, здесь следует проводить иную аналогию. Слово как основной элемент языка складывается из четырех исходных элементов — фонемы, морфемы, лексемы и семемы. Конкретное же многообразие словоформ создается комбинаторикой фонем или графем, аналогию которым следует усматривать не в четырех нуклеотидах, а в двадцати аминокислотах, что свидетельствует о достаточно

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

богатом «алфавите» генетического языка. Именно такого взгляда на «алфавит» генетического языка придерживаются многие биологи. Так, зарубежные авторы «Введения в молекулярную биологию» полагают, что «подобно тому, как из букв алфавита можно составить почти бесконечное число разных предложений, так из двадцати аминокислот можно построить почти бесконечное многообразие различных последовательностей, а значит, и разных белков», и, таким образом, «сходные по аминокислотному составу белки могут выполнять совершенно различные функции», как «совершенно разные по смыслу предложения могут состоять примерно из одного и того же набора букв, но, естественно, написанных в разной последовательности» (26, 55). Ими же приводится таблица встречаемости букв английского алфавита и частой повторяемости различных остатков в аминокислотных последовательностях белков кишечной палочки. Например, по частотности аланину соответствует буква *e* английского алфавита, глутаминовой кислоте буква *t*, аспариновой кислоте *a* и др. Конечно же, не следует усматривать прямого соответствия между буквами алфавита определенного естественного языка и конкретными аминокислотами, поскольку в разных языках встречаемость букв алфавита и аминокислот будет не совпадать. Вместе с тем определенные структурные соответствия алфавитов генетического языка и естественных языков могут просматриваться на уровне любого естественного языка.

Характерно, что один из крупнейших лингвистов Н. Я. Марр в своей теории развития языков сводит исторически возникшее многообразие языков к четырем исходным элементам, составленным из буквенно-звуковых троек — *сал, бер, йон, рош*. По его мнению, любой текст на любом языке мира является в конечном итоге результатом фонетического преобразования этих исходных четырех, самих по себе ничего не значащих элементов, скомбинированных в линейной последовательности, что и определяет единство глоттогонистического процесса. Как отмечает по этому поводу Т. В. Гамкрелидзе, теория Н. Я. Марра не имеет под собой никаких рациональных оснований, поскольку она противоречит и логике современной лингвистики, и языковой эмпирии, и в этом смысле она иррациональна. Однако эта теория, представляя своеобразную структурную модель языка, весьма близкую к генетическому коду, может служить иллюстрацией проявления в ученом интуитивных и неосознанных представлений о структуре генетического кода, очевидно, подсознательно скопированных им при создании оригинальной модели языка, поскольку эксплицитных и осознанных знаний о такой структуре информационной системы Н. Я. Марр иметь не мог (3, 7).

Все вышесказанное позволяет поставить вопрос о феноменологической природе структурного изоморфизма между двумя различными информационными системами — генетической и языковой, и о причинах возникновения подобного структурного изоморфизма.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

7.2. СТРУКТУРНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ ГЕНЕТИЧЕСКОГО КОДА И ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

Несмотря на накопленный богатый материал о структурном изоморфизме между генетическим и естественным языками, оставалось неясным, как непротиворечиво объяснить этот феномен и объединить все в единую схему.

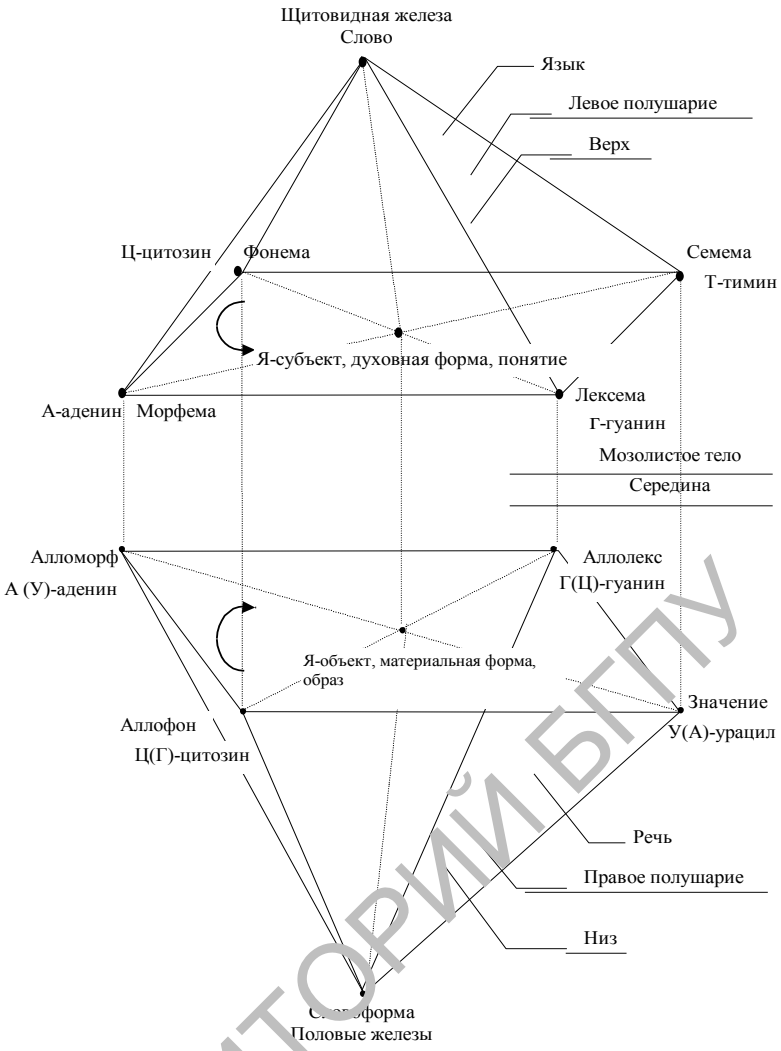
Французский биолог-генетик, лауреат Нобелевской премии Ф. Жакоб считает, что структурный изоморфизм, который выявляется между двумя кодами — генетическим и языковым, является скорее внешним. Он возник в результате структурного сближения или совпадения двух разных систем, которые выполняют аналогичные информационные функции. Лингвист Р. Якобсон отстаивает точку зрения, что структурный изоморфизм между генетическим и языковым кодами является результатом исторического конструирования языкового кода по модели, образцу и структурным принципам кода генетического (3, 7—8). Правильный ответ на этот вопрос дает нам структура слова (см. схему 3).

Наследственному механизму присуща двойственность, подобная дихотомии «язык-речь», «слово-словоформа». ДНК являются носителями генетической информации и, следовательно, соотносятся с верхней пирамидой. РНК участвуют в реализации этой информации и коррелируют с нижней пирамидой. О правильности такого суждения свидетельствует и форма спирали

СТРУКТУРА СЛОВА (СЛОВО, МОЗГ, ЧЕЛОВЕК)

Схема 3

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ



ДНК — она закручивается слева направо, что лишний раз подтверждает точность структуры.

Как правильно расставить нуклеотиды по углам оснований пирамид? Слово и словоформа отличаются между собой семемой и значением, а ДНК и РНК соответственно тимином и урацилом. Это дает нам основания разместить в точке «семема» тимин (Т), а в точке «значение» урацил (У). Далее, используя первое правило Ча́ргаффа для нуклеотидного состава (А — Т(У)), выделим комплементарные пары известных нуклеотидов и разместим их в соответствующих точках фигуры: в верхней пирамиде аденин (А) будет соответствовать точке «морфема», в нижней этот же нуклеотид — точке «алломорф».

Определенные трудности возникают при точном размещении остальных нуклеотидов. Однако, зная линейную последовательность структуры молекулы информационной (и) РНК — УЦАГ и направление движения сигнала в нижней пирамиде, находим, что точка «аллофон» должна соответствовать цитозину (Ц), а точка «аллолекс» его комплементарной паре — гуанину (Г). Соответственно в верхней пирамиде: точка «фонема» — цитозину (Ц), а точка «лексема» — гуанину (Г). Осталось найти, где фокусируются точки «словоформа» и «слово» в генетическом строении человека? Нижняя точка фигу-

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ры фокусируется в половых железах, которые отвечают за особенности морфологического строения человека, а верхняя точка — в щитовидной железе, от которой зависят такие основные биологические процессы, как рост, развитие и дифференцировка тканей, а также обмен веществ в организме.

Кроме точек и направления движения сигнала фигура сохраняет и такие фундаментальные структурные свойства, как симметричность и асимметричность, комплементарность и зеркальность, континуальность и дискретность.

Как известно, нуклеотидный состав ДНК и РНК подчиняется определенным законам. Азотистые основания в нитях молекул образуют между собой комплементарные пары А - Т, Г - Ц в ДНК и А - У, Г - Ц в РНК, реже в РНК встречается пара Г - У. Закономерности состава нуклеиновых кислот записываются правилами Чаргаффа, согласно которым: 1) количество молекул аденина равно количеству молекул тимина; 2) количество молекул гуанина равно количеству молекул цитозина; 3) количество молекул пуриновых оснований (аденина и гуанина) равно количеству молекул пиримидиновых оснований (тимина и цитозина); 4) сумма аденин + цитозин равна сумме гуанин + тимин. В буквенном обозначении эти закономерности записываются следующим образом: 1) А−Т; 2) Г−Ц; 3) А+Г=Т+Ц; 4) А+Ц=Г+Т. Все это целиком вписывается в отношения и тождества между элементами слова, которые сформулированы нами ниже (см. формализованная характеристика додекаэдрной структуры слова).

Зеркальность и комплементарность, симметричность и асимметричность сохраняются между элементами верхней и нижней пирамид. Как известно, последовательность нуклеотидов в цепи ДНК переписывается в комплементарную ей последовательность нуклеотидов в молекуле транспортной (т) РНК. Транспортная же (т) РНК составляет комплементарные пары с информационной (и) РНК. Аминокислоты, необходимые для синтеза белков, приносятся (т) РНК. Программу синтеза вмещает информационная (и) РНК, и эта программа соответствует программе, заложенной в ДНК. Структура РНК, таким образом, является не только комплементарной, но и зеркальной. Элементы ДНК также возвращаются к себе в виде своего зеркального отражения (реализованной программы), однако это возвращение асимметричное, поскольку с формальной и содержательной точки зрения тимин заменяется урацилом. Наличие транспортной (т) РНК делает генетический механизм дискретным, поскольку команды от ДНК передаются не непосредственно, а через передаточный зеркальный механизм.

Таким образом, в структурных отношениях генетический механизм человека (информационная система его наследственности — генетический код) является структурно изоморфным со словом (языком). Этот же изоморфизм прослеживается в морфологической организации человека в целом.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

7.3. СТРУКТУРНЫЙ ИЗОМОРФИЗМ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ИМЕНИ

Чтобы более точно представить, с каким словом и почему именно со словом соотносится в структурном плане человек, отметим следующий момент. Он заключается в двойственности самого человека.

Еще во многих Священных писаниях утверждалось, что настоящее "Я" человека — это не его физическое тело, а душа и что человек, таким образом, двойственен по своей природе. Эта мысль развивалась также античными философами и мыслителями позднейших времен. Согласно Аристотелю, душа есть причина и начало живого тела, ее познание "много способствует познанию всякой истины, особенно познанию природы".

Духовная форма, духовное *Я* человека, как и форма понятий, скрыты от человека на онтологическом и генетическом уровнях. Однако человечество уже накопило достаточно данных о духовной форме, точно не зная, или это одна из форм Бога, или так выглядит индивидуальная душа. Определенная часть таких сведений описывается в книге американского доктора философии и медицины Раймонда Моуди "Жизнь после жизни". Приведем лишь один эпизод такого свидетельства, который является наиболее обычным элементом во всех изученных им случаях.

Наиболее глубокое впечатление на людей производила встреча с очень ярким светом. Ни один из пациентов Р. Моуди не сомневается в том, что это было существо, светящееся существо. Кроме этого, это существо обладало личностью. Умирающий чувствует, как этот свет окружает и влечет его, чувствует полное облегчение и тепло в его присутствии. Люди не слышали физического голоса или звуков, исходящих от существа, и не отвечали ему звуками. Происходила непосредственная передача мыслей, но в такой ясной форме, что какое-либо непонимание или ложь по отношению к свету были невозможны. Более того, общение происходит даже не на родном языке человека, однако он прекрасно все понимает и воспринимает мгновенно. Все чувствовали всеобъемлющую любовь и поддержку, исходящую от света (17, 54—59). Моуди приводит несколько вариантов попыток толкования предсмертных феноменов — фармакологическое толкование, связанное с использованием терапевтических наркотиков, физиологические и неврологические объяснения, основанные на физиологическом повреждении нервной системы, что приводит к этим феноменам, психические толкования и некоторые другие. Каждое из них имеет свои недостатки и противоречия, которые снимаются, если признать реальность духовного мира.

Необходимо отметить, что существует и другой предсмертный опыт. Те, кто пережил его, встречались с темнотой, ощущали страх, тревогу, движение через темное пространство. Поэтому религиозные учения об аде и рае имеют под собой определенные эмпирические основания.

Многие современные философы и психологи рассматривают личностное Я как двойственное образование: Я-сознающее и Я-объект, которые представляют собой две стороны одной целостности. Это хорошо отражается и в генетическом механизме: ДНК является Я-субъектом, который отдает приказы, РНК — Я-объектом, который их выполняет. Интегральное Я пред-

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ставляет собой целую систему сознательных отношений к самому себе: отношение к своей наружности, к своему поведению, к своим внутренним психическим состояниям и др. Каким способом Я-субъект производит идентификацию Я-объекта, выделяет его из множества других индивидуальностей? Собственное Я для человека прежде всего есть его имя, физическое тело и собственный образ, поскольку невозможно представить себе сознание, лишенное психического содержания. С психической точки зрения, имя человека, его физическое тело (материальная форма), психический или материальный образ (например, фотография) актуализируют идентичное содержание, которое при идентификации личности конечным результатом допускает установление тождества между физическим телом или образом с одной стороны и именем – с другой. Эти отношения могут быть представлены в виде тетраэдра (см. схему 4).

Согласно закону симметрии в вершину тетраэдра может быть вынесен любой из элементов, лежащих в углах треугольника – форма объекта, образ объекта, имя. Целостность объекта и его свойства при этом не нарушаются. Поскольку особенности формы человека определяются его генетическим механизмом, то данные тетраэдарные отношения могут быть непротиворечиво вписаны в нашу додекаэдрную структуру (см. схему 3).

Схема 4

Если иметь в виду реальность духовного мира, то имя человека может оказаться тождественным физическому телу и психическому образу не только в психическом, но и в бытийном плане. Ведь в земной жизни имя тождественно им, поскольку может успешно заменять физическое присутствие человека во многих делах. Более того, смерть физическая не обязательно должна означать смерть имени, которое продолжает представлять человека после его отхода в мир иной. Поэтому имя в максимально сжатой форме вмещает в себя все содержание человека.

Представление об именах как особых категориях слов, связанных непосредственно с сущностью человека, сформировалось уже в древнем Егип-

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

те, где имя рассматривалось как существенная составная часть личности. Такое понимание человеческих имен характерно и для современной лингвистики, где имя полагается имманентным (внутренне присущим) именуемой индивидуальности. Характерно, что для математической лингвистики имя выступает как недискурсивный символ, который не имеет смысла разлагать на отдельные элементы, ибо действует он только как нечто целое. Правила, по которым сложен этот символ из отдельных элементов, не имеют значения в процессе его восприятия. Имена не попадают на семантическую шкалу в один ряд с другими словами, поскольку "имена жестко связаны, но неизвестно с чем" (18, 204).

Онтологическую сущность человеческого имени глубоко исследовал П. Флоренский в своей работе "Имена". По Флоренскому, имя — тончайшая плоть, с помощью которой объявляется духовная сущность:

"Обращаясь к строению и внутренним силам собственной нашей личности, мы легко убеждаемся, что иначе и быть не должно и не может: если мы знаем в себе что реальное, то это есть наше собственное имя. Ведь около него именно оплотняется наша внутренняя жизнь, оно — твердая точка нашей текучести, в нем находит себе объективный устой и неизменное содержание наше *Я*. Без имени оно есть мгновенный центр наличных состояний, мгновенная ось поворота всей жизни в данное мгновение…

Первое и, значит, наиболее существенное самопроявление *Я* есть имя. В имени и именем *Я* ставит впервые себя объективно перед самим собою, а следовательно — этою своей тончайшей плотью делается доступным окружающим. До имени человек не есть еще человек, ни для себя, ни для других, не есть субъект личных отношений, следовательно, не есть член общества, а лишь возможность человека, обещание такового, зародыш. Да и за что ухватилось бы в нем общество, если бы у него не было имени?" (25, 61—62).

Характеризуя социальную значимость имени, он приводит случай из времен французской революции, наглядно поясняющий, насколько живо в человечестве сознание, что общественно не существует тот, у кого нет имени:

"К суду революционного трибунала был привлечен некто де Сен-Сир. Председатель предлагает ему обычный вопрос о его имени и фамилии. Между ними происходит следующий разговор:

"Моя фамилия де Сен-Сир", — отвечает подсудимый.

"Нет более дворянства", — возражает председатель.

"В таком случае, значит, я Сен-Сир".

"Прошло время суеверия и святошества, — нет более святых".

"Так я просто — Сир".

"Королевство со всеми его титулами пало навсегда", — следует опять ответ.

Тогда в голову подсудимого приходит блестящая мысль: "В таком случае, — восклицает он, — у меня вовсе нет фамилии и я не подлежу закону. Я не что иное, как отвлеченность — абстракция; вы не подыщете закона, карающего отвлеченную идею. Вы должны меня оправдать".

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Трибунал, озадаченный подобной аргументацией, действительно признал подсудимого невинным и вынес следующий приговор:

“Гражданину Абстракции предлагается на будущее время избрать себе республиканское имя, если он не желает навлекать на себя дальнейших подозрений”… После того, как обнаружилось у подсудимого отсутствие имени, он стал не виден трибуналу как юридическое лицо, и наиболее правильным со стороны судей было бы сделать жест удивления, где же подсудимый и ради чего они заседают. Трибунал смог не поступить так потому и только потому, что тут же дал подсудимому личное имя Абстракция, с каковым и было соотнесено постановление суда” (25, 61—64).

Флоренский подчеркивает также онтологическую сущность имени. Он полагает, что именем выражается тип личности, онтологическая форма ее, которая определяет ее духовное и душевное строение:

“Имя есть последняя выразимость в слове начала личного (как число — безличного), нежнейшая, а потому наиболее адекватная плоть личности. Духовное существо личности само о себе невыразимо. Оно усваивает себе предлежащий ей материал из среды, в которой живет, — мистический, оккультный, социальный, психический, физический — и, взяв его, претворяет в свое тело, сквозит в нем, лучится сквозь него, его формирует. Но выразить мы можем не ее, а то, что она оформила. Имя — ближайшее подхождение к ней самой, последний слой тела, ее облекающий” (25, 71).

Имя человека — это целый мир бытийной, исторической, социальной, культорологической информации. Человек оказывается структурно изоморфным не просто с абстрактным словом, а со своим именем. Строго говоря, если иметь в виду посмертное существование человека, его переход на иные уровни бытия, то имя человека может играть в этом гораздо более значительную роль, чем предполагалось ранее.

Таким образом, восемь элементов единой теории — слово, язык, сознание, мышление, мозг, генетический код, человек, имя — оказываются структурно изоморфными на онтологическом уровне, имеют единый геометрический образ.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

7.4. ИМЯ В КОНЦЕПЦИИ А.Ф. ЛОСЕВА

Размышления об именах во все времена служили предметом жарких споров, а зачастую и основанием глубоких философских теорий. Достаточно вспомнить дискуссии крупнейших философов античности о природе названий и сформулированные ими две крупнейшие теории именования – теории фюзей и тезей. Идеи античной теории именования получают, как известно, свое развитие в эпоху средневековья в течениях реализма, номинализма и концептуализма.

Сам факт выдвижения имени в основу философских теорий не является чем-то специфическим для античности или средневековья. Последующая философская мысль также не обходила вниманием эту проблему.

В философии XX века тема имени (шире –языка), его сущности, его соотношения с вещью в том или ином виде представлена у Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Г. Гадамера, К. Ясперса и других зарубежных ученых. Из русских ученых этой проблеме посвящают свои работы П. Флоренский, С. Булгаков, В.Ф. Эрн и др. Однако в зарубежной философии начала XX века преобладает по преимуществу критическое отношение к языку, которое стремится «преодолеть власть языка», устранить его метафоричность и «двусмысленность», мешающие адекватному выражению философской мысли.

В ряду философских работ этого времени совершенно особо стоят работы А.Ф. Лосева, который видел путь в разрешении философских проблем, проблем бытия в опоре на естественный язык, в раскрытии его соотношения с реальностью. Для Лосева проблема вещи и отношения ее к имени – это одна из труднейших и основных проблем философии. Главный принцип лосевской теории именования коротко формулируется тезисом: «имя вещи есть сама вещь, хотя вещь не есть имя». Имя и вещь отождествляются им здесь не в фактическом, но в смысловом аспекте. Вещь не есть имя с точки зрения фактической, во всем же остальном, кроме инаковости факта, имя у Лосева то же, что и вещь. Основой такого подхода к соотношению «имя – вещь» послужила религиозно-философская традиция православного энергетизма. Доктрина энергетизма в православии связана с имяславским движением в нем. Оно возникло в начале XX в. на Афоне, а возглавлял имяславцев иеромонах Антоний. Имяславие учило, что имя Бога нужно относить как к сущности Бога, так и к его энергиям. А.Ф. Лосев рассматривает имяславие как наиболее адекватное соотношение сущности бытия и имени. Его предтечами Лосев считал деятелей исихазма – Григория Синаита (конец XIII – начало XIV в.), византийского подвижника и писателя и Григория Паламу (1296 – 1359), Фессалоникийского архиепископа. (Исихазм – букв. покой, безмолвие, отрешенность; мистическое течение в Византии, возникло в 4-7 вв.; учение о пути человека к Богу через очищение сердца слезами и сосредоточение сознания). Сам Лосев так формулирует религиозно-философские тезисы имяславия: «Энергия сущности Божией неотделима от самого Бога и есть сам Бог… Имя Божие есть сам Бог, но Бог сам – не имя» (14, 910).

Отличительной особенностью концепции языка Лосева является то, что язык перемещается им из конвенциональной сферы, в сферу бытийную, энергетическую. В характерной для него образной манере Лосев пишет: «Имя – великая сила и неубывающая энергия, но это сила в возможности и энергия в потенции. Оно ждет, чтобы разрешиться от груза наполняющих его энергий. Оно переливает через край своими смысловыми возможностями и готово излиться наружу, пребывая, однако, в основе своей внутри предопределенного ему смыслового круга. Оно – эманационно напряжено и нагнетено и бурлит, кипит бесчисленными умными эманациями, подобно тому как само оно есть не что иное, как умная эманация самой вещи. Нужен какой-нибудь знак, какой-то сигнал, чье-то согласие, чье-то мановение воли, чей-то мельчайший волевой или мыслительный жест, чтобы эти эманации с необычайной силой

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

и энергией пролились наружу, распространились вовне, оплодотворили и зародили бесчисленное количество новых вещей и имен и тем самым засадили и украсили мрачные и мертвые пустыни инобытия» (14, 834). Тезис Гумбольдта о языке как энергии и деятельности духа был к тому времени изрядно подзабыт и не разрабатывался ни философами, ни лингвистами. Как отмечает Л.А. Гоготишвили, лосевская философия языка была настолько инородна всем тогдашним типам русского и зарубежного лингвистического и философского мышления, что ей приходилось отстаивать себя в глубоком одиночестве.

Разгадкой всех тайн бытия для Лосева служит первичное имя Абсолютной Личности, процесс ее самоименования, ее проявление в инобытии через имя. Цель такого самоименования Лосев формулирует как самопонимание Первосущности, взгляд на себя с точки зрения инобытия, создание своего цельного и замкнутого образа, в котором единство сущности не расчленяется логическими дефинициями, а закрепляется цельным и единым именем. Такое имя представляет и выявляет Абсолюта как личность, делает возможным его личностное бытие.

С другой стороны, самоименование дает возможность Абсолюту противополагать своей беспредельности и бесконечности конечную форму, снять личным именем противоречие между конечным и бесконечным, субъектом и объектом в себе самом. Вероятно, это связано прежде всего с тем, что имя есть «предел всякого возможного выражения» (А. Лосев). Как отмечал Гегель, Бог «именно потому, что он дух, должен определять себя, полагать конечность в себе (иначе он был бы только мертвой, пустой абстракцией), но так как реальность, которую он дает себе посредством своего самоопределения, есть вполне соответствующая ему реальность, то Бог посредством ее не становится сам чем-то конечным. Предел, следовательно, не существует в Боге и духе, но лишь полагается духом, чтобы быть снятым» (8, 37). И предел этот полагается именем божьим, что делает Абсолюта конечным по форме и бесконечным по содержанию, минимумом и максимумом одновременно.

Первичное имя – это фундаментальный энергетический каркас, скрепа между бытием и инобытием, «высшая точка, до которой дорастает первая сущность, – с тем, чтобы далее ринуться с этой высоты в бездну инобытия» (14, 745). Само воплощение Первосущности в инобытии осуществляется через процесс именования. Формы такого воплощения разнообразны. Именами у Лосева служат число, эйдос, символ, миф. Сюда он относит также априорные формы человеческого сознания, универсальные смыслы, которые исследуются в неокантианстве и феноменологии, а в современном языкознании – в когнитивной лингвистике. Человеческое сознание в системе А.Ф. Лосева – это одна из возможных, но не обязательных субстанций воплощения энергетических эманаций Абсолюта, «специальный» вид его инобытия. Но поскольку инобытие Абсолюта осуществляется через именование, то и человеческое сознание воплощает его в имена, слова, формы человеческого языка. «Имя вещи, – пишет Лосев, – есть прежде всего слово о вещи. А слово есть

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

продукт сознания. Это – само сознание, которое породило из себя кристаллы смысла. Сознание тоже аморфно, если его брать на стадии слепых и животных ощущений. Сознание тоже алогично, безмысленно и даже бессмысленно, если его брать в нетронутой текучести его природно-свободных актов. Но вот аморфная текучесть сознания кристаллизуется; его темная бездна расчленяется, осознается, высветляется; его непроглядная ночь слепых ощущений уходит с небосклона человеческих интуиций. И – рождается слово, загорается смысловая заря восходящих имен, поднимается солнце наименованного и все именующего разума. Слово и имя есть расцветшее сознание, созревший смысл, осознавший себя взрослый ум. Если вещь наименована, это значит, что кто-то где-то (быть может, и сама она, а быть может, и не она сама) и притом как-то ***выделил*** ее из всего окружающего, наделил какими-то признаками, помыслил о ней и зафиксировал, что она есть именно она, а не что-нибудь другое» (14, 812).

Таким образом, человек как субъект и его слово изначально погружены в инобытие, поэтому они не могут быть чистой сущностью. Человек как субъект «есть носитель одновременно и физической, и органической, и сенсуальной, и ноэтической энергемы», равным образом и «человеческое слово есть выражающий носитель всех этих энергем одновременно» (14, 747). При всех инобытийных искажениях в человеческом слове чистой энергии оно сохраняет в себе ту же «энергийную» основу, что и в первичном имени. В человеческом языке «как раз и осуществляется общение чистой энергии первичного имени с энергией субъекта, который может использовать эту совокупную энергию либо в соответствии с сущностью, либо – под воздействием разнообразных субъективных, социальных, физических, психических и т. д. факторов – против нее» (14, 916). А.Ф. Лосев подчеркивает здесь персоналистический аспект человеческого языка, его неравенство первичному имени. Вместе с тем, в силу присутствия в человеческом слове энергии имени Абсолюта, в таком подходе заложена «сопричастность» деятельности человеческого духа «энергийной» деятельности первичного имени.

Первосущность, Абсолют, Бог – эти феномены не могут быть для человека только абстрактными понятиями. Структура сознания непременно требует их воплощения в конкретные сущности. Это требование относится как к человеческому, так и к абсолютному сознанию. Гегель по этому поводу замечал: «Сознание абсолютной идеи, которую мы имеем в мышлении, должно... возникать не для точки зрения философской спекуляции, спекулятивного мышления, а в форме *достоверности* для людей вообще; не так, чтобы они мыслили, усматривали и познавали необходимость этой идеи, – речь идет о том, чтобы она для них была достоверной, то есть, чтобы эта идея, единство божественной и человеческой природы, стала достоверностью, чтобы она обрела для них форму *непосредственного чувственного созерцания, внешнего наличного бытия,* короче, чтобы эта идея предстала как *видимая и воспринимаемая* в мире. Таким образом, это единство должно быть дано сознанию в совершенно временно́м, совершенно обычном явлении действительности» (Человек. М., 1995, с. 68). По Гегелю, воплощение божественной и

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

человеческой природы в «совершенно обычном явлении действительности» осуществилось в Богочеловеке Иисусе Христе. Он был дан человечеству в форме «непосредственного чувственного созерцания». Но это был краткий исторический период. Что же из божественной природы всегда предстает перед человеком в «совершенно временно́м, совершенно обычном явлении действительности»? Такой формой может быть только имя Бога.

*** * ***

I. Имя

Что такое вещь и что такое имя вещи, – известно всякому, и тем не менее проблема вещи и отношения ее к имени есть труднейшая проблема в философии вообще, и, кроме того, это – одна из основных ее проблем. Практическая очевидность этих двух сфер была бы совершенно безвредна, если бы те, кто философствует в данной области, действительно изображали действительность, как она есть. Хуже всего то, что эта очевидность понимается большей частью весьма узко и ограниченно, и эта основная проблема всей человеческой мысли вообще сводится на небольшое число совершенно наивных и слепых наблюдений. Самое трудное – описать и построить в мысли действительность так, как она есть. Всякий знает, что такое вещь, что такое ее имя и, наконец, каково отношение имени к вещи. Но если попробовать действительно *узнать* доподлинно эту взаимосвязь и отдать себе в ней философский отчет, то мы натолкнемся на огромные трудности. “Вещь” и “имя” оказываются сложнейшими категориями из всех, которыми только оперирует философ. И от разрешения этих вопросов зависти и весь смысл, все значение, весь стиль его философствования…

II. Имя вещи есть *орудие смыслового общения* ее со всем окружающим

Существует вещь и существует ее смысл. Вещь не есть ее смысл, и смысл вещи не есть сама вещь. Можно общаться с самой вещью, и можно общаться с ее смыслом. Общение с вещью в ее имени есть общение ***смысловое***, а не вещественное. В имени вещи общается с вещью ум. Имя говорит ***сознанию*** взывает к ***пониманию***, предполагает у именующего ***ум.*** Кто узнал имя вещи, тот разумно отделил эту вещь от всякой другой, тот как-то понял вещь, начал мысль о ней. Имя может подействовать и на чувство, и на волю, и на любую иррациональную способность человеческой души. Но если оно действительно имя, оно неизменно претворяет эту иррациональность в нечто смысловое, как-то осознанное, в нечто говорящее уму и вызывающее его на мысль, на идею, на сознательные акты. Когда животное ест или пьет физическую материю, оно не общается с нею в ее имени, оно не ***знает*** этой материи, не ***мыслит*** ее, оно не знает и себя и не фиксирует самого факта своего общения. Это общение – вне имени, до имени, не нуждается в имени, общение темное, нерасчлененное, внеразумное, бессловесное.

Имя вещи есть, прежде всего, слово о вещи. А слово есть продукт сознания. Это – само сознание, которое породило из себя кристаллы смысла. Сознание тоже аморфно, если его брать на стадии слепых и животных ощущений. Сознание тоже алогично, безмысленно и даже бессмысленно, если его брать в нетронутой текучести его природно-свободных актов. Но вот аморфная текучесть сознания кристаллизуется; его темная бездна расчленяется, осознается, высветляется; его непроглядная ночь слепых ощущений уходит с небосклона человеческих интуиций. И – рождается слово, загорается смысловая заря восходящих имен, поднимается солнце наименованного и все именующего разума. Слово и имя есть расцветшее сознание, созревший смысл, осознавший себя взрослый ум. Если вещь наименована, это значит, что кто-то где-то (быть может, и сама она, а быть может, и не она сама) и притом как-то ***выделил*** ее из всего окружающего, наделил какими-то при-

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

знаками, помыслил о ней и зафиксировал, что она есть именно она, а не что-нибудь другое.

Всем этим кладется очень четкая, очень яркая, очень резкая граница между именем вещи и всякими прочими орудиями и аренами встречи с нею и общения с нею. Имя вещи пребывает в сфере смысла, в сфере ума, в сфере сознания, при самом широком и всеобъемлющем значении этих терминов. Не надо суживать эту терминологию до абстрактных и рационалистических схем. Смысл не есть обязательно ***логический*** или рациональный смысл. Художественное произведение, несомненно, содержит в себе определенный смысл, но он вовсе не есть логический смысл. Человеческие аффекты, несомненно, обладают тем или другим смыслом, который только и делает их именно аффектами, но этот смысл не имеет ничего общего ни с какой рациональной системой. Имя – тоже есть смысл. Но вот – мы еще не сказали, какой это смысл; и мы можем заранее сказать, что это есть меньше всего логический смысл. Мы должны только усвоить одно: имя есть орудие ***смыслового*** общения, общения в разуме, в сознании, а не вещественного, не телесного, не материального общения. Оно идет от смысла к смыслу, оно общает одну идею с другой, одно сознание с другим. Оно – ум вещи, явная осмысленность вещи, и оно заставляет все окружающее общаться с умом вещи, с ее смыслом, с ее идеальным содержанием.

Надо помнить то, что мы получили в результате исследования стихию смысла. Смысл, это – бесконечная лестница восхождений и нисхождений от абсолютно алогического к логическому и над-логическому. Смысл вовсе не есть обязательно только интеллектуальный смысл. Это есть только рефлексия, выражаясь языком Гегеля, но рефлексия, добавим мы, по содержанию, абсолютно тождественная с тем, что тут подверглось рефлексии. Потому алогическая стихия сознания может браться в своей природной, естественной нерасчлененности и слепоте и в своей смысловой значимости, и в этом последнем случае без малейшего нарушения ее принципиального и абсолютно неразрешимого алогизма. Так, в музыке мы имеем точнейшую картину стихийного протекания алогических процессов человеческой души, решительно без всякого логического расчленения и оформления; и тем не менее музыка есть сознательное искусство, основанное на четком и вполне научном понимании всех формальных средств этого искусства. Тут алогическая стихия ***изображена***, т. е. поднята в сознание, ***осмыслена***, хотя и без малейшей рационализации алогической текучести и ее существу.

Имя ***поднимает*** вещь, которой оно принадлежит, ***в сознание***, осмысливает ее – однако не внося решительно никаких иных способов оформления вещи, кроме тех, которые в ней самой содержатся. Оно просто переносит в сферу смысла всю вещь как таковую, со всем ее алогическим содержанием и со всем ее логосом. В имени “Наполеон” нет ничего иного, кроме того, что есть в самом Наполеоне, хотя это нисколько не мешает тому, чтобы понимание этого имени имело в истории свою судьбу и чтобы оно то удалялось, то приближалось по своему содержанию к самому Наполеону. Прежде чем оно будет подниматься так или иначе, правильно или извращенно, оно должно просто ***быть***. И в своем непосредственном и нетронутом бытии оно есть только смысловая фиксация самого носителя этого имени, и – больше ничего.

Однако мало и одного смысла. Смысл вещи может более или менее для нее существенным. К смыслу вот этого сорванного мною цветка розы относится, что она красная. Однако роза могла быть и белой. Цвет розы, очевидно, менее существен для нее, чем ботанический спецификум. И вот, что же такое тогда имя?…

III. Имя вещи есть *орудие взаимного существенно-смыслового общения* ее со всем окружающим

Можно ли представить себе, чтобы имя вещи не было для нее существенно или характерно? Это непредставимо… Имя относится не только к смыслу вещи, но и к ***существу*** ее, не только к ее смысловым признакам вообще, но именно к *существенным*, к суще-

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

ственно-смысловым ее признакам, к таким ее признакам, свойствам и моментам, без которых данная вещь не может быть самой собою. Имя можно назвать *конститутивным* признаком вещи, *конститутивным* смыслом вещи. Это – то, без чего вещь не может существовать как данная вещь. Поскольку в имени вещи мы общаемся как раз с данной вещью, мы можем иметь общение только с такими ее сторонами, которые для нее *существенны*. Иначе это будет общением не с данной вещью, а с чем-то для нее несущественным и, следовательно, посторонним к ней.

Но идем дальше. Смысл может быть не только существенным или несущественным. Он может еще относиться к живой индивидуальности или к мертвой природе, к бытию отвлеченному.

Наш "существенный смысл" может быть двояким, – *неодушевленным* и *одушевленным*. Можно говорить о смысле камня, дерева, минерала, а можно говорить о смысле животного, человека и их различных типов и видов. Я не буду здесь давать философского и диалектического анализа понятия "жизни", "живого", "одушевления", "души". Об этом у нас трактует особый очерк. Мне, повторяю, достаточно только указать на общечеловеческий и совершенно очевидный (вопреки научному скептицизму) факт реальности *одушевленных* вещей. Но это требует введения весьма существенного момента в наш анализ природы имени.

Вдумаемся в природу имени. Мы отличаем имя от *слова* вообще. Хотя о чисто словесной природе имени мы будем говорить дальше, но уже сейчас можно сказать, что имя есть, конечно, тоже слово и что это – особое слово. Какое же это слово? Если мы опять-таки постараемся остаться верными общечеловеческому реально-жизненному опыту, то нам станет ясным, что имя относится как раз к *одушевленным* вещам. Имя предполагает *живую*, в той или иной мере одаренную сознанием индивидуальность. Конечно, можно (и у людей часто бывает так) *именовать*, т. е. давать собственное имя, и вещам неодушевленным или одушевленным, но не разумным. Однако это ни о чем не говорит. Интерпретировать в смысле имени можно любой вид действительности. И тут все дело заключается не в том, правильно или неправильно дано имя, а в том, что имя, раз оно дается, несет за собой интерпретацию предмета в смысле *одушевления*, или, как я выражался в своих прежних работах, *интеллигентную* интерпретацию. Имя есть всегда имя *одушевленной* вещи. Имя есть всегда имя *личности* (или ее степени и модификации). Если я называю эту бумагу бумагой, а этот диван диваном, то в собственном смысле это не есть *наименование* предмета. Это *название* вещи, а не имя, нарицательное имя, а не собственное. Имя в настоящем смысле есть всегда *собственное*, а не *нарицательное* имя. Имя есть имя *живой* вещи. Имя само всегда живо. Имя – порождение живых, взаимообщающихся личностей. Имя вещи есть орудие общения с нею как с живой индивидуальностью. Индивидуальность тут – живая личность, самосознающая вещь, разумевающая природу. Смысл имени есть живой и индивидуальный смысл личности. Имя – откровение личности, лик личности, живая смысловая энергия жизненно самоутвержденной индивидуальности. Имя – не название, не простое слово и не термин, не вывеска, не внешний знак, не условный символ. Имя – личностный символ, орудие индивидуально-личных взаимообщений…

VI. Имя вещи есть *орудие взаимного понимания* между нею и всем окружающим

…Но имя, сказали мы, есть орудие общения с предметами по преимуществу одушевленными и личностными. Поэтому понимание через имя, относясь к личностному предмету, предполагает со стороны предмета и сочувствие чисто личностное же, т. е. тут должен быть не просто реализм внешней выразительности предмета, но и онтология существенного внутреннего сочувствия и внимания. Имя предполагает, что я хочу общаться с предметом, который я понимаю, и оно же необходимо предполагает, что предмет *слышит* это имя, отвечает на мой зов, сочувствует ему, соответствует и ответствует ему. Без

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

этого взаимопонимания именующего и именуемого не может состояться никакого именования. Самый смысл именования заключается в том, что именующий сознательно реагирует на это наименование. Иначе имя перестает быть именем. Разумеется, тут не может быть речи о различных *несущественных* моментах реакции вещей на их именование. Можно вполне представить себе такой случай, что я называю ваше имя, а вы, в силу тех или других явлений и событий, забыли свое собственное имя и ничем не отвечаете мне. Это совершенно не относится к делу. Мы говорим тут не о фактах, но о принципах. *Принципиально* же именование всегда рассчитано на то, чтобы именуемое *откликнулось* на это именование. Именующий знает и понимает именуемое, и именуемое знает и понимает именующего. Тут – понимание взаимное, обоюдостороннее.

VII. Имя вещи есть *смысловая энергия взаимопонимания* между вещью и ее окружающим

…Однако, вдумываясь в природу имени, мы замечаем, что мало и этого. Мало говорить, что имя есть модификация смысла и относится к смысловой сфере. Что значит именовать? Не значит ли это *проявлять какую-то силу, затрачивать какие-то усилия, чего-то старательно добиваться?* Несомненно, так. Картина тоже есть какой-то смысл или осмысленная вещь, но она *статична*, она не жива. Ее динамика и ее жизнь, относясь тоже к смысловой сфере, никем сознательно не направляется. Они уже были направлены и оформлены раз навсегда, и отныне они предстоят перед нами как статическая завершенность. Не то имя. Имя всегда кем-то так или иначе произносится, внутренне или внешне, кем-то двигается, куда-то направляется. Имя есть всегда какая-то *сила*, направленность, стремление, обращение и обращенность. Имя по природе своей *активно*. Вещь пассивна, тверда, неподвижна и пребывает. Имя всегда активно, легкоподвижно, напряженно стремится и действует. Имя всегда есть как бы некие щупальца, активно схватывающие жизнь и осознающие, оформляющие действительность. Кратко говоря, имя вещи всегда есть некая умная или смысловая *энергия* вещи, или, привлекая предыдущее рассуждение, можно сказать, что *имя есть умная энергия взаимообщения вещи с ее окружающим.*

Вещь имеет смысл. Смысл оформляется в определенное понятие. Понятие *оформляется* в выражение. Выражение делается *словом…* Имя есть *выраженное* или, что то же, принципиально, в принципе *понятое понятие.* И вот теперь, когда этот выразительный смысл, это понимающее общение начинает *активно наступать, осмысленно становиться*, когда смысл превращается в смысловой заряд, в выразительный взрыв, в понимательный фермент, в преисполненный жизненных сил зародыш, тогда образуется *слово.* Слово – энергия мысли и осмысляющая сила. Слово – активный напор понимания, динамика выразительного охвата. Слово – не статично, не покойно, не устойчиво. Оно всегда в движении, в энергии, в порождении, в мыслительной активности. Слово вещи всегда стремится как бы отделиться от вещи и уйти в окружающие просторы для многоразличных откровений и возвещений о природе вещи, для умных воплощений и отражений вещи, для осмысления и утверждения всякого инобытия по законам соответствующей ему вещи. Слово и имя вещи есть как бы самостоятельный организм, который, будучи порожден и изведен вещью из себя самой, упорно и настойчиво, эластично и энергично, остро и сильно, наподобие невидимого заряда, распространяется по широкому полю инобытия, незаметно носится среди вещей, осеменяя и оплодотворяя собою все существующее по законам данной вещи. Имя вещи есть *смысловое семя* вещи, которое, попадая на тучную почву инобытия, порождает и утверждает новые вещи – того же, конечно, имени и, следовательно, того же смысла, того же типа, того же существа. Имя вещи – смысловой зародыш вещи, активно принуждающий вещи к появлению и росту, хотя сам он и не есть вещь и, для своего успеха, уже предполагает вещественное инобытие. Таким образом, можно с полной определенностью и достоверностью сказать, что природа имени *магична* в самом последнем своем существе. Магия ведь и есть не что иное, как изменение бытия силою одного

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

слова, преображение и самосоздание вещей невещественной энергией одних имен. Знать правильные имена вещей, значит уметь владеть вещами. Уметь владеть именами значит мыслить и действовать магически.

VIII. Имя вещи *есть потенциальная смысловая энергия взаимопонимания* вещи с ее окружающим

Вместе с тем справедливость заставляет признать, что имя, будучи умной энергией вещи, не есть энергия, сама по себе действующая, независимо от вещи или от ее окружения. Вернее, нужно сказать, что имя *может* стать энергией, как и семя не есть ведь уже просто самый организм или его рост. Семя не есть еще даже и появление организма, и зародыш не есть еще и зарождение. Семя есть *возможность* зарождения, то, без чего не может состояться зарождения. Имя также есть не сама активность соответствующего осмысления, общения, оформления вещи или ее окружающего, но – только *потенция* всего этого. Мы ведь и говорили выше, что это – *заряд* смысла и понимания, *охват* выражения и формы. Но для заряда и охвата нужен еще материал, вещественность, инобытие, то поле и арена, где состоится взрыв и охват. Имя ведь невещественно, умно, идеально. Оно потому и есть только потенция, потенциальная энергия. Стоит только *воспользоваться* им, *пустить* его в определенном направлении, как оно начинает приводить нас к общению с вещами и всем миром, к пониманию и уразумению действительности, к умному овладению собою и всем бытием. Имя – великая сила и неубывающая энергия, но это – сила в возможности и энергия в потенции. Оно ждет, чтобы разрешиться от груза наполняющих его энергий. Оно переливает через край своими смысловыми возможностями и готово излиться наружу, пребывая, однако, в основе своей внутри предопределенного ему смыслового круга. Оно – эманационно напряжено и нагнетено и бурлит, кипит бесчисленными умными эманациями, подобно тому как само оно есть не что иное, как умная эманация самой вещи. Нужен какой-нибудь знак, какой-то сигнал, чье-то согласие, чье-то мановение воли, чей-то мельчайший волевой или мыслительный жест, чтобы эти эманации с необычайной силой и энергией прорвались наружу, распространились вовне, оплодотворили и зародили бесчисленное количество новых вещей и имен и тем самым засадили и украсили мрачные и мертвые пустыни инобытия.

…Мы уже сказали, что нужен еще какой-то жест, чье-то еще мановение воли, чтобы имя осуществилось и стало жизнью. Диалектически это значит, что то понимание, которым оно в основе своей является, в свою очередь *кем-то должно быть понято*, кем-то должно быть намеренно переведено из потенции в энергию. Это может сделать сама вещь, которая носит данное имя; это может сделать и то, что окружает данную вещь и стремиться общаться с нею. Важно только, чтобы было это новое понимание и наличие нового субъекта. Поэтому имя есть не просто понимание, но *понимание понимания.* Имя есть орудие не просто взаимопонимания, но сознательное и понимающее орудие взаимопонимания, *орудие понимания самого понимания…»* (Лосев А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993. – С. 811 – 834).

* * *

ЛИТЕРАТУРА

☼

1. Вейль, Г. Симметрия. 2-е изд., стереотип. М., 2003.
2. Винарская, Е.Н. Дизартрия и ее топико-диагностическое значение в клинике очаговых поражений мозга / Е.Н. Винарская, А.М. Пулатов. Ташкент, 1973.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

3. Гамкрелидзе, Т.В. Р.О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания, № 3, 1988. – С. 5 – 8.
4. Гегель, Г. Феноменология духа. М., 2000.
5. Гегель, Г. Философия духа. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977.
6. Гируцкий, А.А. Нейролингвистика: курс лекций / А.А. Гируцкий, И.А. Гируцкий. Мн., 2008.
7. Гируцкий, А.А. Общее языкознание. 4-е изд. Мн., 2008.
8. Гируцкий, А.А. Структура слова. Мн., 2005.
9. Гируцкий, А. А. Тайна имени. Мн., 1996.
10. Грановская, Р.М. Интуиция и искусственный интеллект / Р.М. Грановская, И.А. Березная. Л., 1991.
11. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М., 2000.
12. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
13. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
14. Лосев, А.Ф. Бытие – имя – космос. М., 1993.
15. Лурия, А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.
16. Мифологии древнего мира. М., 1977.
17. Моуди, Р. Жизнь после жизни. М.-Р., 1991.
18. Налимов, В. В. Вероятностная модель языка. 3-е изд. Томск; М., 2003.
19. Пешковский, А. М. Еще к вопросу о предмете синтаксиса // Русский язык в советской школе. 1929, № 2.
20. Прибрам, К. Языки мозга. М., 1975.
21. Ратнер, В.А. Молекулярно-генетические системы управления. Новосибирск, 1975.
22. Сергеев, Б. Ум хорошо… М., 1984.
23. Сойфер, В.Н. Международный проект «геном человека» // Современное естествознание. Энциклопедия в 10-и т. Т. 10. Современные технологии. М., 2001.
24. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
25. Флоренский, П. Имена. ТОО «Купина», 1993.
26. Хаггис, Дж. Введение в молекулярную биологию / Дж. Хаггис, Д. Михи, А. Мюир и др. М., 1967.
27. Хьюбел, Д. Глаз, мозг, зрение. М., 1990.
28. Якобсон, Р. О. Избранные работы. М., 1985.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ